

никъ, въ которомъ было написано все то, что мучило его“.

Левинъ не безъ колебанія отдаетъ невѣстѣ свой дневникъ. Но онъ зналъ, что тайнъ между ними не должно быть, а потому признался во всемъ. Прошлое мучить его, а потому онъ еще сильнѣе обожаетъ свою невѣсту и считаетъ счастье свое незаслуженнымъ,

Передъ свадьбою Левину приходится говѣть. Это ему кажется тяжелымъ. Онъ уважаетъ вѣрованія другихъ людей, но принимать участіе лично считаетъ невозможнымъ. Левинъ относится къ религіи совершенно неопредѣленно. „Вѣрить онъ не могъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ твердо убѣжденъ въ томъ, чтобы все это было несправедливо. И поэтому, не будучи въ состояніи вѣрить въ значительность того, что онъ дѣлалъ, ни смотрѣть равнодушно, какъ на пустую формальность, — во все время своего говѣнья онъ испытываетъ чувство неловкости и стыда, дѣлая то, чего самъ не понимаетъ, и потому, какъ ему говорилъ внутренней голосъ, что-то лживое и нехорошее“.

Священнику онъ признается въ своемъ невѣріи. Бесѣда со священникомъ, конечно, ни въ чемъ не убѣждаетъ его, и послѣ исповѣди Левинъ испытываетъ радостное сознаніе, что неловкое положеніе окончилось.

Послѣ своей свадьбы Левинъ уѣхалъ въ деревню. Радости семейной жизни—со всей своей поэзіей и прозой—сдѣлались доступными ему. Первые, т.-е. радости, еще до женитьбы манили